

Бараки 9 отряда

...

Хисаги Шухей сидел за своим столом, глядя на старые выпуски «Вестника Сейрейтея» и о чем-то размышляя. За его спиной раздался голос Мугурумы, его капитана.

– Эй, чего нос повесил, Шухей?

– Ох, капитан...

– Это из-за того дельца, о котором нам поведали? Ну, неудивительно, что ты злишься.

– Простите, похоже, это и правда написано у меня на лице?

Он не собирался показывать свои эмоции, но кажется, у него это не получалось, неважно, как сильно он пытался их скрыть. Сделав глубокий вдох, Хисаги задал вопрос Мугуруме:

– Капитан, вы знали об этом? О прошлом капитана... я имею в виду о прошлом Тоусена Канаме?

– Немного.

Даже сейчас у Хисаги осталась привычка звать Тоусена «капитаном Тоусеном», когда он был на взводе. Он понимал, что это неуважение по отношению к капитану Мугуруме, который сейчас занимал этот пост. Но если что-то в разговоре касалось Тоусена, для него становилось почти невозможно рассуждать трезво.

Мугурума относился к этому с пониманием, он не мог винить Хисаги за его оговорку.

– Я не тот человек, кто стал бы выпытывать все о прошлом своего подчиненного, так что глубоко я не копал. И хотя я не расспрашивал его, он хорошо справлялся со своими обязанностями... но сейчас я думаю, что, вероятно, мне следовало уделять больше внимания деталям.

– А что насчет аристократа Тсунаяширо?

– Да так же. На мой взгляд, представители дворянства – не те, на ком стоит заострять внимание. Было бы неплохо, если бы они все были такими, как Кёраку-сан, Кучики или Йоруичи, но обычные аристократы – не те, с кем хочется познакомиться поближе.

Хисаги тоже был осведомлен о высокомерии и непоследовательности шинигами из аристократических семейств.

Если бы это была такая самонадеянность, за которой ощущалось некое подобие добродушия и мягкости как у Омаеды, тогда это было бы простительно. Но поведение представителей знатных родов, увиденных на Совете 46 не так давно, было возмутительно.

Хотя ему доводилось слышать, что и Совет 46 несколько изменил свой образ мышления после войны, среди тех, кто жил в Кизокугаи[1], все еще было много тех, кто в открытую презирал выходцев из Рукоугая и смотрел сверху вниз на обычных людей.

– Было бы не очень здорово, если бы все были такими, как Йоруичи-сан.

– ...в некотором роде это бы только доставило проблем, – представив толпу Йоруичи,

прыгающих по Кизокугай, Мугурума нахмурился. Тут же вспомнив былые дни, он произнес:

– Кстати говоря, в те дни, когда Бьякуя был еще мальчишкой, стоило только Йоручи подразнить его, так он просто выходил из себя. Забавный был мальчуган, а теперь стал подобием аристократов.

– Ничего не поделаешь. В конце концов, он глава одного из четырех великих кланов.

– Но тогда бы и Йоруичи хорошо придерживаться такой точки зрения... – сказав это, Мугурума взял в руки копию «Вестника Сейрейтея», лежавшую на столе. Пролистывая страницы, он спросил Хисаги:

– Так ты осмелишься поднять этот вопрос? Учитывая обстоятельства, мне кажется, все бы поняли, если бы ты отказался и оставил это на других членов отряда, разве нет?

– ...я тоже колебался, когда дело дошло до принятия решения.

Час назад – Казармы 1 отряда

– Понял. Я сделаю спецвыпуск на эту тему.

– Э? Правда?.. Ты возьмешься за это? – в ответ на удивление Кёраку, Хисаги уверенно кивнул.

– Да, возьмусь, я унаследовал «Вестник Сейрейтея» от бывшего главного редактора, он словно моя твердыня... так что, заслуживает тот парень специального издания или нет, в первую очередь я своими собственными руками соберу на него досье.

– Ты смелее, чем я представлял... ах... Так, чтобы ты знал... если ворошить прошлое, вероятно, за тобой начнет приглядывать Аристократическая Ассамблея Кинин. Но думаю, мы можем обратиться к Наюре-тян и попридержать тех, кто в Совете 46.

– Нет-нет, я собираюсь не в прошлом копаться, а разобраться в том, что происходит вокруг этого человека. Я со всей достоверностью напишу о том, что увижу сам. Если вас это устроит, то я берусь за это дело.

– Нет ли у тебя личных обид? – уточнил Кёраку, словно пытаясь прочувствовать его. После повисшей между ними паузы Хисаги ответил:

– Я не могу сказать точно, затаил ли я на него злобу или нет, это не... в любом случае, искажение статьи моими эмоциями стало бы оскорблением по отношению к капитану Тоусену.

Хотя он ненамеренно назвал Тоусена «капитаном» даже в таком месте, Нанао лишь чуть сузила глаза, никто не указал ему на эту оговорку. Просканировав Хисаги своим серьезным взглядом, капитан чуть повел плечом и сказал:

– Ясно, что ж, тогда прошу тебя сделать это. Но не слишком усердствуй. Твой заказчик главенствует среди аристократов, которые руководствуются совсем иным набором принципов, нежели мы в Готее 13. Существует вероятность, что они используют любую слабость, которую увидят в тебе, в интервьюере.

– Я к этому готов. Я не смог бы проводить интервью с хитрюгами-шинигами, если бы я такого боялся.

– Правда? А как насчет того, если какая-нибудь обольстительная молодая леди, как Рангику-

тян, например, использует свое обаяние, чтобы получить то, что ей хочется?

–Э? Вы правда думаете, что я на это поведусь?.. – смущенный Хисаги посмотрел на Нанао, но она сразу же отвела взгляд.

А когда он повернулся к Мугуруме—

– Ну, среди лейтенантов, ты, кажется, будешь вторым после Омаеды, кто попадется в такую ловушку, – откровенно выдал мужчина.

– Вторым после Омаеды?!

– Именно, но у Омаеды есть деньги, так что он шатается по всяким местам больше, чем мы знаем, и привык к кокетству. В таком случае, это значит, что вообще-то ты номер один...

– Нет, нет, это совсем не так! А что с остальными, такими как Ренджи... и другими?.. – он вспоминал разные моменты, которые приключились в прошлом – показательным был случай: реакция его и Ренджи на то, когда Куроцучи Маюри сказал им: «Я могу заставить занпакто изменить пол». Он понял, что их эмоции несколько отличались.

– Ну, хватит уже об этом, вам не кажется! Как бы то ни было, в этом можно на меня положиться!

– Конечно, лучше относиться ко всему со спокойствием. Довольно тяжело иметь дело с этими аристократами, которые только треплют нервы и ничего больше.

– Капитан Кёраку... – осознав, что слова, произнесенные мужчиной только что, были сказаны для того, чтобы уменьшить силу удара от осознания своей слабости, Хисаги ощутил благодарность по отношению к Кёраку и повторил, – Я понимаю. Во имя «Вестника Сейрейтея», пожалуйста, позвольте мне взяться за это задание.

– Хорошо, обязательно дай мне знать, если я тоже могу быть чем-нибудь полезен. Однако работа главнокомандующего еще более беспокойна, чем я ожидал, так что я не всегда буду способен прийти на помощь.

– Большое спасибо! Э... – Хисаги внезапно вспомнил. О вопросах, которые он хотел лично задать главнокомандующему.

– ? В чем дело?

Отвечая недоумевающему Кёраку, склонившему голову набок, Хисаги преподнес интересующий его вопрос со всей серьезностью:

– Капитан Кёраку... простите, что я меняю тему, но есть кое-что, о чем мне хотелось бы спросить вас.

– О чем же? Надеюсь, я смогу ответить.

– ...о капитане Укитакэ и Гинджоу Куго.

– ... – легкая тень пробежала по лицу Кёраку, и, чуть помолчав, он сказал:

– Я в недоумении, почему ты спрашиваешь об этом именно сейчас?

- Я сегодня встретился с Гинджоу.

- ! О, ясно... ну, не стоит о нем беспокоиться. Что касается отношений с ним, Укитаке старался продлить их как можно дольше, - вспомнив лицо ныне покойного дорогого друга, Кёраку посмотрел в сторону.

- Капитан Укитаке, он...

- Однако из-за того, что на первый взгляд невозможно сказать, невиновен он или нет, Укитаке лишь терпел, ждал и наблюдал, - криво улыбнувшись, Кёраку спросил Хисаги о главном. - Так что... ты слышал его версию?

- Да, но я не могу слепо прислушиваться к нему и довольствоваться рассказом только одной стороны.

- Ты серьезно относишься к таким вещам, да? Думаю, это здорово, - Кёраку широко улыбнулся, словно он был доволен отношением Хисаги к своей работе. Затем капитан вздохнул и добавил.

- Как бы то ни было... дашь ли ты мне немного времени?

- Времени?

- Похоже, Укитаке пытался сам справиться с этой проблемой. Я тоже не смог узнать всю историю до конца. Однако с моим теперешним положением, многие вещи, что раньше были весьма двусмысленными, теперь прояснятся, как мне кажется. Если это случится, возможно, Гинджоу Куго получит свои извинения, - прежде чем Кёраку продолжил, его неприкрытый глаз стал узкой щелочкой. - С другой стороны, есть вероятность, что преступник найдется среди шинигами.

- Я все понял. Я подожду.

После Кёраку провел краткий инструктаж, и, получив несколько разрешений на проведение интервью, Хисаги покинул казармы 1 отряда. Спешно возвращаясь в стены своего отряда, он обдумывал выданные ему инструкции по подготовке специального издания.

«Тсунаяширо Токинада», - размышляя над именем, раз за разом прокручивающимся у него в голове, Хисаги попытался подавить свои эмоции. И как раз по дороге к казармам, ему попался Ямада Ханаторо, испугавшийся его жуткой гримасы.

Настоящее время - Казармы 9 отряда

- Ох, проклятье уже пора? Простите, капитан, мне нужно отправляться на интервью.

- Ты такой занятой. Куда на этот раз идешь-то?

- В 11 отряд. К Мадараме и Юмичике. Собираюсь расспросить их о левой руке Короля Душ.

1. город знати - район Сейрейтея, где живет множество аристократов

Часом позже - Казармы 11 отряда - Зона отдыха

- Ну... это именно то, что мы видели. Это чем-то поможет?

- На самом деле, во время битвы большую часть времени мы просто смотрели. Так что это довольно нудно. О, не хочется признавать, но сражение Нему-тян было воистину прекрасно.

Слушая резковатый обмен мнениями между Мадараме и Юмичикой, Хисаги нахмурился:

– Так, короче, если я правильно вас понял, капитан Куроцучи был как всегда безумен. Надеюсь, лечение Нему-сан пройдет гладко...

– Это не просто «лечение», похоже, у нее скоро появится новое тело. Акон сказал, что через несколько лет ползания она, вероятно, сможет использовать шунпо на более-менее достойном уровне.

– То еще будет зрелище.

Склонив голову на бок, Хисаги пытался представить это, но у него не получилось, и он решил не углубляться в свои фантазии, а вместо этого продолжил задавать вопросы.

– Итак, конечно же, капитан Куроцучи говорил о левой руке Короля Душ?

– Ага, я ничего не понял из того, что он там болтал...

До Хисаги уже доносились слухи о болтовне Куроцучи, поэтому он специально нанес визит этим двум, чтобы изучить детали битвы. Хисаги пытался выяснить, была ли какая-то связь между «правой рукой КД», что покоилась в капитане Укитакэ, и «левой рукой КД», которая по каким-то причинам оказалась в лагере Ванденрейха. Местное божество по имени Мимихаги-сама жило в Укитакэ. Если это была действительно правая рука Короля Душ, так с какой стати руки КД были отделены от тела?

Представление событий в таком свете могло также повлиять на репутацию Укитакэ, Хисаги хотел прочертить четкую границу между слухами и реальностью, однако, как стало ясно из этого интервью, все было слишком запутано.

– Этот парень... он постоянно менял свою манеру речи и порой выдавал странные вещи. Вроде «Я всегда был квинси», к примеру.

– ..? – Хисаги снова нахмурился из-за случайной реплики Юмичики. – Быть не может, странно это. Почему левая рука уважаемого Короля Душ в первую очередь квинси? Могло ли быть такое, что кто-то из квинси завладел левой рукой уважаемого КД, а потом имплантировал ее в свое тело как Укитакэ-сан или что-то наподобие этого?

– Мне-то откуда знать? В конце концов, мы и не весь разговор слышали.

– А что насчет тебя, Мадараме?

– А я тем более не смогу объяснить то, что даже Юмичике непонятно. Спрашивай капитана Куроцучи.

Хотя это предложение имело смысл, Хисаги лишь вздохнул.

– Я запросил разрешение на сбор различной информации... Вот, например, о том, что происходит с Кирой... но все эти шесть месяцев он был все время занят. Он отказался от всех моих интервью. Он сказал, что у него море исследований, - ловя себя на том, что он уже начинает жаловаться, Хисаги опустил плечи, подбирая следующие слова. – Ну, это ведь большей частью из-за восстановления Сейретея и лечения Нему-сан, так что ничего не поделать...

- Тяжело тебе приходится. Начнем с того, что ты никогда не казался тем, кто подходит для такой работы.

- Дело не в том, подхожу или не подхожу. Мадараме, ты ведь тоже не слушаешь того, кто скажет тебе, что «битва – не твое, лучше сдайся»?

- Точно, я порублю этого психа на мелкие кусочки прежде, чем он скажет, что пошутил.

Хисаги вздохнул, услышав разъяренный ответ Мадараме, и тут ему кое-что вспомнилось.

- Кстати говоря, у тебя есть младшая сестра, да? Когда я узнавал имена ответственных за Каракуру, в боевых списках значилось имя «Мадараме».

- О... Шино? Я не уверен, родная она мне сестра или двоюродная. Вероятно, в первый день прибытия в Каракуру она нарвалась на группу здоровых пустых, и Ичиги спас ее. Ей все еще многому нужно учиться, я ей постоянно говорю об этом, 11 отряд слишком суров. Ей не тягаться с нами, закаленными ребятами, – Мадараме выглядел взволнованным, говоря так прямо. На этот раз отвечал ему Юмичика, указывая на противоречивость его пламенной речи:

- Ну, если несколько здоровых пустых были твоими противниками, то любой бы нормальный новичок в одиночку помер, даже окажись он из 11 отряда.

- Верно, Мадараме. Не все такие, как ты или капитан Зараки, – вставив свое слово, Хисаги опустил взгляд.

Ему вспомнилось то время, когда он учился в Академии Шиноу. Он был тем, кто руководил более младшими студентами на тренировочной вылазке, когда их атаковали громадные пустые и когда он потерял своего товарища – Канисаву.

В то время Хисаги был вне себя от отчаяния, однако в яростную битву вступили Айзен и Ичимару Гин, которые одолели всех врагов.

«Интересно, с моей сегодняшней силой я достиг их тогдашнего уровня?» - несмотря на свои мысли, он предупредил себя, что он хочет совсем не такой силы.

Он вновь убедился, что после той битвы, именно Тоусен научил его, как нужно применять страх в битве, – в то же время он вспомнил имя человека, которое услышал от Кёраку.

Тсунаяширо Токинада.

Человек, ставший причиной того, что Тоусен сошел со своего пути.

«Такой, как он, действительно глава клана одного из четырех великих домов аристократов?»

- Эй, в чем дело, Хисаги?

- А? Ах, да ничего, прости. Я просто задумался, – его привел в чувство голос Мадараме. Ругнувшись про себя, Хисаги вернулся к основной теме обсуждения – левой руке Короля Душ.

- Не было никого, кто еще оказался свидетелем той битвы? Я хочу собрать как можно больше информации.

- А, возможно, есть один человек.

- Кто? – задавая этот вопрос, Хисаги был уверен, что не было других наблюдателей, кроме Мадараме и Юмичики. Создавая интригу, Мадараме медленно произнес имя того человека.

- Ямада должен был валяться неподалеку. Точно, 3 офицер 4 отряда.

Часом позже – Казармы 4 отряда

- Ну, если говорить об этом... я был обездвижен и упал, вот и все...

Склонив голову, Хисаги разглядывал Ханатаро, на лице у которого почему-то был написан страх. Шухею начало казаться, что он зря проделал весь этот путь.

Во время битвы с квинси по имени Пернида, который, по всей видимости, был «левой рукой КД», Ханатаро, кажется, оказался под действием занпакто Куроцучи Маюри, и все его мышцы были парализованы.

- Как бы то ни было, почему мне кажется, что ты боишься просто посмотреть на меня?

- Э? Не то чтобы... у вас было такое зловещее лицо, когда я встретил вас на улице ранее, я думал, что у вас очень плохое настроение...

- Ах, прости. Я просто был немного раздражен.

«И это было понятно по моему лицу?» – размышляя про себя, Хисаги подбирал слова, чтобы избежать этой темы.

- Ничего страшного. Просто после нашего разговора мне придется отправиться в Кизокугаи, чтобы собрать информацию, но я не знал, с чего начать. Я был немного раздражен из-за этого.

- Э? Кизокугаи?

- Да, именно. Если вкратце, я получил официальное разрешение на вход, но вопрос в том, с кого мне начать интервью... капитан Кучики и Йоруичи-сан, кажется, заняты. А с Советом 46 и Аристократической Ассамблеей все гораздо сложнее.

Последнее предложение не было ложью.

Хотя он получил разрешение от Кёраку на свободный вход в Кизокугаи, чтобы провести интервью с Токинадой, было необходимо получить несколько отдельных разрешений на сбор материала в каждом из аристократических учреждений.

Хисаги посчитал, что еще слишком рано идти напрямиком в клан Тсунаяширо, он собирался начать копаться в документах Великой духовной книжной галереи, которая находилась во владении Амакадо Наюры, однако –

- Ну, э... если вам нужен кто-то, кто хорошо ориентируется в Кизокугаи, тогда я знаю такого человека.

- Э? Этот человек из 4 отряда?

- Н-нет... не совсем, но... но он сказал, что у него сегодня выходной, так что я думаю, это не проблема.

- Так кто это?

После вопроса Хисаги Ханатаро опустил голову, будто бы извиняясь, и неуверенно ответил.

– Да... это Ямада Сейноске... он мой старший брат... вероятно. Он только что ушел, так что, думаю, если он не дома, тогда в фармацевтическом учреждении в Кизокугаи.

– О! Я вспомнил, фамилия Ямада была у одного из представителей Центрального Фармацевтического Учреждения! Так он – старший брат Ханатаро! Помню-помню, о нем как-то писали еще до того, как я стал главным редактором!.. Так, минутку, что ты имеешь в виду под «вероятно»?

– ...Мой брат, у него талант к кайдо, в отличие от меня... порой я начинаю сомневаться, действительно ли мы братья.

– Как же такой человек, как ты, может волноваться об этой ерунде? – вздохнув, Хисаги попытался подбодрить Ханатаро. – Расслабься. Ты же в курсе, что твое кайдо признано одним из лучших по результатам голосования «Вестника Сейретея»?

– Как... такое возможно... ааа? М-может быть, мой брат пожалел меня и дал взятки всем, кто проголосовал... И-извините, я прошу у вас прощения!

– Что ты, что капитан Котецу, почему талантливые члены 4 отряда так не верят в свои силы?..

«Возможно, это реакция на то, что Унохана-сан была раза в два сильнее почти любого шинигами».

Хотя в голове Хисаги крутились такие мысли, в глаза он мог с уверенностью говорить, что навыки кайдо у Ханатаро более чем выдающиеся. Даже если этот человек говорил, что у него нет таланта, он смог достичь такого уровня простым самопринуждением. Так что можно абсолютно точно утверждать, что он весьма одарен в кайдо.

На самом деле, мнения о Ханатаро, присланные в «Вестник Сейретея», часто содержали высказывания вроде: «Из-за того, что он всегда с грустной миной на лице, мы чувствуем себя некомфортно рядом с ним». Но большинство людей видело, что если дело доходило до лечения, он всегда был настроен положительно; было много голосов тех, кто признал его талант.

Сразу после окончания Великой Войны, отбросив свою робость, он ринулся на поле боя вместе с Орихиме и остальными, чтобы оказать первую помощь, и все, кто его тогда видел, признали Ханатаро достойным шинигами.

Хисаги, будучи одним из признавших его, начал снова размышлять над предложением Ханатаро.

Встреча с главой фармацевтики Кизокугаи означала высокую вероятность выяснить такие детали как межличностные отношения аристократов и их репутации. В таком случае он никак не мог упустить такую возможность.

«Ну, если он брат Ханатаро, то наверняка он такой же дружелюбный человек», – придя к такому оптимистичному выводу, Хисаги решил принять предложение медика.

– Прости, что напрягаю тебя, Ханатаро. Я буду очень благодарен, если ты представишь меня своему старшему брату.

Он еще не знал, что этот случайный выбор окажется для него судьбоносным.

Тем временем в казармах 1 отряда

Примерно в то же время, что и встреча Хисаги и Ханатаро

- Давненько не виделись, Шунсуй. Вроде как с тех пор, как меня отослали в Гнездо Личинок.

Важного аристократа до казарм 1 отряда сопровождал огромный эскорт, однако Тсунаяширо Токинада приказал своим людям покинуть комнату, где он хотел один на один побеседовать с главнокомандующим Готея 13.

- Разве? Как бы то ни было, я слышал, вы несколько сотен лет были под домашним арестом.

- Такая глупость. Ребята из главной ветви пытались унижить меня, вынуждая взять ответственность за то мое преступление; они вели себя так, словно меня не существует. Нежели поступать так, они могли бы вынести мне официальный приговор, как например, казнь или изгнание. Они не смогли выкинуть преступника из собственного дома. И что стало последствием их нерешительности? Взгляните-ка, этот преступник теперь все у них забрал.

Если вырвать эти слова из контекста, в них можно услышать насмешку над самим собой. Однако, пока он говорил, его лицо озаряла улыбка. Кёраку чувствовал, что Токинада насмехается над каждым членом из вышеупомянутого клана Тсунаяширо.

- Могу ли я считать это признанием в том, что вы устроили заговор против своих предшественников?

- Ну-ну, ты ведь не серьезно? Это был просто сарказм, понимаешь? – выдав сдержанный смешок, Токинада прищурился и продолжил. – Однако даже если что-то и случится, я уже глава клана. Я могу легко умолчать об этом. Не буду смягчать наказание, как это было в моем случае, когда я убил своего товарища и жену. Я лучше представлю это так, что преступления и не было вовсе.

- Вы собираетесь повернуть нечто подобное? Нынешний Совет 46 начал понемногу менять свои старомодные взгляды, знаете, да?

- Тем не менее, само общество аристократов не изменилось. Разве я не прав?

- ...

- Даже хотя все было уничтожено стадом квинси, они только забрались глубже в свои особняки и закрылись на кучи замков, большинство аристократов Сейретея все еще неподвластно переменам. Те, кто изменились, – это взаимодействовавшие с внешним миром, такие как ты, клан Кучики, Шихоин и так далее. Смешно, среди четырех великих кланов только двое сражались на передовой. Хотя если и клан Шиба посчитать, то будет три дома среди пяти великих кланов.

Пять великих аристократических кланов. Клан Шиба, практически распавшийся за последние годы, также был среди четырех аристократических кланов; считалось, что «пять домов-основателей» связаны с истоками Общества Душ. Также существовало весьма распространенное мнение, что клан Тсунаяширо был выше остальных пяти великих аристократических домов. Можно говорить о том, что помимо Короля Душ и нулевого отряда, которые были далеки от политики, он имел влияние по всему Сейретею.

На губах у нынешнего главы клана Тсунаяширо появилась хитрющая улыбка.

- Естественно, я тоже остался таким же. То же самое можно сказать о моей обиде по отношению к тебе, Кёраку Шунсуй.

- Ваше негодование неоправданно. Я просто помешал вам совершить злые деяния, вот и все.

- Это был весьма неожиданный поворот. Оставаясь вне подозрений, я собирался играть роль несчастного супруга, которого предали и товарищ, и жена, однако... я не мог в это поверить... такой человек как ты, волочащийся за каждой юбкой, оказался мне не по зубам. Это правда достойно восхищения: ты был единственным, кто раскрыл мои преступления, - Токинада с кривой улыбкой отстраненно говорил о прошлом.

- Ничего я не раскрыл.

«Он убил своего друга из-за спора, а когда его жена упрекнула за это, он убил и ее... Это единственный напрашивающийся вывод, когда все детали сложились в пазл.»

Кёраку решил принести свои извинения:

- Есть кое-что, о чем я должен попросить у вас прощения.

- Что? Ты извиняешься передо мной? Не думал, что такое возможно, но... ты же не собираешься молить меня о прощении только из-за того, что узнал о моих грехах, а?

Покачивая головой, Кёраку уставился на хладнокровного человека, который принадлежал к одному из четырех великих аристократических кланов. Если бы сопровождение дворянина было все еще рядом с ним, пока он пялился на Токинаду с таким выражением лица, они бы уже достали свое оружие, посчитав его действие «неуважительным».

Кёраку начал говорить о своем «преступлении»:

- Во времена скандала с казнью Рукии-тян... честно говоря, пока я не осознал истинное положение дел, я даже немного подозревал вас. Я задавался вопросом, намеренно ли вы наложили на нее более суровое наказание, чтобы втайне, прикрываясь Советом 46, подготовиться к чему-то.

- Боже мой, ты собирался заклеить меня грешками Айзена? Но что заставило тебя так думать? У меня же нет мотива убивать Кучики Рукию? Я ведь даже не встречал ее.

- Когда Кучики-кун взял в жены Хисану-тян, которая была жительницей Руконгая... так же когда он попытался принять Рукию в семью... это были не только Кучики. Против выступил и клан Тсунаяширо. Так что я подумал, что вы могли бы внести свои рекомендации, пытаться подняться в глазах аристократов, возможно, вы дергали клан Тсунаяширо за ниточки.

- Так все же у меня не было причины делать это, - Токинада пожал плечами.

- Вам не обязательно нужны причины. Это просто побег от беспокойства... убийство времени. И привлечение внимания аристократов.

- ...

- Вы зашли так далеко, чтобы просто добавить всем забот. Это вы настоящий, не так ли? Токинада.

- Будь немного сдержаннее, Шунсуй. Ты действительно думаешь, что какой-то

главнокомандующий Готея 13 может болтать обо мне все, что пожелает? – вразрез словам Токинады шла его улыбка. Это выглядело так, словно он был восхищен речью Кёраку. Ответной улыбки он не получил, Кёраку равнодушно продолжал допрос.

– Ну так? Что за дело привело вас сюда лично? Если у вас есть жалоба против Готея 13, я буду счастлив передать ее для вас в Аристократическую Ассамблею Кинин или Совет 46.

– Ах, это ерундовое дельце. Я хочу связаться кое с кем.

– Связаться?

– Кучики не в счет, с Шихоин Йоруичи невозможно связаться через аристократов. Даже Аристократическая Ассамблея Кинин не в состоянии проследить ее местоположение... но, возможно, вы знаете, как выйти на контакт с этой непокорной женщиной? – сказав это, Токинада вручил листок с написанным на нем сообщением для Йоруичи. Получив его и пробежавшись по нему глазами, Кёраку надел непроницаемую маску и задал Токинаде следующий вопрос:

– Она уже передала пост главы клана своему младшему брату Юширо... но что вы задумали?

– Совсем ничего. Я просто думал о том, чтобы внести важное предложение. Ради Общества Душ, нет, ради гармонии во всех мирах, включая Мир Людей и Уэко Мундо.

Не ощущая ни капли доверия к новоявленным целям Токинады, Кёраку стал еще более подозрительным.

– Правда? И ради этого вы пришли в одиночку?

– Вдобавок к этому я пришел увидеться с тобой. Хотя время не пошло тебе на пользу: ты изменился по сравнению с Академией Шино. Благодаря тебе мое негодование забурлило и вновь поднялось на поверхность, – продолжая ослеплять улыбкой (сложно было понять, серьезен он или просто шутит), Токинада словно что-то вспомнил и добавил. – Кстати, кажется, Укитаке сыграл в ящик?

– ...

– И правая рука Короля Душ покоилась в его второсортном теле? Полагаю, слишком много чести для недостойных руконгайских бедняков.

Хотя манера речи Токинады не сильно отличалась от провокации, Кёраку остался непоколебим и вместо возмущения задал новый вопрос:

– Гинджоу Куго. Вам знакомо это имя?

– Ах, если я не ошибаюсь, он был первым исполняющим обязанности шинигами. Слышал, этот взбесившийся пес предал Сейретей, но благодаря этому прецеденту, у нас появился герой по имени Куросаки Ичиго. Не было бы счастья, да несчастье помогло – Укитаке, должно быть, тоже так думал. Но почему ты спрашиваешь меня о таком человеке?

– Не берите в голову, я просто проверял... и Укитаке со всем справлялся достойно, не так, как вы думаете.

Услышав это, Токинада во второй раз пожал плечами. Разговор закончился. Он повернулся

спиной к Кёраку.

- В этом мире нет ничего ценного. Особенно в Обществе Душ, где все – подделка, – пройдя еще несколько шагов, он остановился вновь и перевел взгляд на угол капитанского кабинета. – О, и чтобы ты знала, я действительно никак не связан с казнью твоей матери Исе Нанао.

- ... - в углу комнаты из пространства, которое совершенно точно было пустым, послышался громкий выдох.

- Я бы не так это все представил. Так или иначе, если бы у меня тогда была власть... я бы не казнил ее так быстро. Как и в случае с Кучики Рукией, устроив настоящее представление на вершине Сохьюку, я бы сыграл с ней в кошки-мышки, прежде чем убить. И я бы приказал Кёраку занять первые места в Саду Правосудия[1].

Одарив зловещей улыбкой «пустоту», Токинада продолжил:

- Зашел бы Кёраку так далеко, попытавшись спасти твою мать и сломав виселицу, как было с Кучики Рукией? Зашел бы он так далеко и стал бы врагом Сейрейтея, как Куросаки Ичиги, в попытках сохранить ее жизнь? Боюсь, что навряд ли. Кёраку бросил бы ее. Он действительно ее бросил. Чтобы защитить тебя, Исе Нанао!

- Не могли бы вы закончить на этом месте свой монолог, глава клана Тсунаяширо, Токинада-сама? – хотя эта просьба прозвучала в дружелюбной манере, Токинада, стоявший перед Кёраку, ощутил его холодную реацию, скрывавшуюся под его неискренним уважительным обращением, он словно оказался под слоем льда. Почувствовав перемены в атмосфере, Токинада прищурился и опустил руку на занпакто, решая попрощаться.

- Боже мой, как же похолодало. Не хочется оказаться под водой, да и с перерезанной глоткой. Позвольте на сегодня откланяться.

Убедившись, что Токинада со своей свитой покинул казармы, Кёраку прошествовал в угол своего кабинета и осторожно провел рукой по пустому пространству. Оно сдвинулось, словно ткань, и в углу материализовалась побледневшая Нанао.

Кёраку приобнял дрожащую, обливающуюся холодным потом девушку. Ее сразу же окутала теплота его реации, которая успокаивала ее и заставляла почувствовать себя в безопасности.

- Ты в порядке, Нанао-тян?

- Д-да... Простите, капитан.

- Ну-ну, даже я не заметил твоего подслушивания, ты так быстро выросла. Это влияние Лизы-тян? – возможно, он пытался отвлечь ее разум, заставляя вспомнить знакомое лицо, и поэтому он упомянул имя Ядомару Лизы, своего бывшего лейтенанта и человека, который сейчас рассматривается в качестве капитана 8 отряда. Ощущая беспокойство Кёраку, Нанао силой воли заставила себя восстановить контроль над своим дыханием.

- Он пугает тебя? Он производит такое впечатление из-за того, что испускает такую жуткую реацию, не так ли?

- Мне доводилось ощущать реацию бывшего главнокомандующего Ямамото, я даже пошевелиться не могла... но тут иной случай.

Если она была лягушкой, уставившейся на змею, когда ее встречало тепло Ямамото Генрюся, тогда, по ее ощущением, теперь же змея преобразилась в скользкого слизня[2].

Ощущение страха глубоко вгрызлось в сердце Нанао, а затем ей стало еще хуже от осознания того, что он использовал и ее, и ее мать, как орудия для того, чтобы очернить Кёраку.

Стараясь скрыть свою боязнь этого человека-загадки (ко всему прочему добавлялась еще его способность видеть сквозь ее индзютсу, которую даже Кёраку не смог заметить), Нанао произнесла с легкой дрожью в голосе:

– Капитан... я против того, чтобы такой человек... становился главой среди четырех великих аристократических кланов.

Раздумывая о том, когда она в последний раз говорила о таких вещах, которые касались личностей или ее собственных чувств, Кёраку перевел взгляд на небо.

– В отношении этого вопроса я полностью согласен.

Затем, размышляя над запросом о связи с Йоруичи, Кёраку пробормотал себе под нос.

– Все становится проблематично, хах... очень проблематично.

<http://tl.rulate.ru/book/86976/2802203>